

Кажется, сенсациям места не осталось, сегодня поразить никого и ничем нельзя.

Но можно заинтересовать

— Как вы говорите — гастроли? Опера, говорите, у них, а сами думаете? Вы гастроли? Ну а что? Голосом — как попеть, а что 12 см, так в наше время чего не бывало, вон в Кирганде, в зоопарке, слон разговаривает, да еще по-русски. А как они издается, всякие пощачи — яликаны? Это где ж страна такая, Лиликаны, в Африке, что ли, а тур туда уже есть?

Дети, которых нынче трапецисты, даже они поверили в существование настоящих рикторов валичной с Борби. Но как попеть? — Как вы говорите — человеческой попеть, а только маленьких еще не видел, хотя где-то что-то, по-моему, читал. Ой, запись на три года вперед? Что вы, она за три года могут, чего доброго, вырасти. — Да не вырастут! Они же кукулы, можно ли, и самам дела, так купитесь?

Лиликаны в Москве

Славная затея Илья Эпштейна и Майи Краснопольской — гастроли Лиликанской оперы в Москве — провозглашена в семейном театре «Тень». Эти гастроли — упорядоченно разработанный вариант умиротворенной, сбалансированной жизни. Это художники спектаклей, любящие кукулы, а потому невосприимчивые к интригам, перформансам, способные опознать самых крайних концептуалистов. Это пародия, а мору держат и в меру ценники, она может называться «оперой» и даже использоваться в школе, который слова популярны у современных любителей культуры. Итак, слушайте, как играет увертюру оркестр Королевской Лиликанской оперы, это можно принять за холостые одаренных сверчков с консервативным образованием. А в фойе вы можете купить «Лиликанскую культуру», весьма содержательную газету, поинтересовавшись на досуге, конечно, заглянув в газету с необычной микрополкой.

Но вот что самое главное: эти полюбившие лиликане стали реальностью московской жизни. Подобно тому, как лиликанские полюбившие мемориальную доску на доме, куда вымысли Кован Дойля поселили вымысли сашки, заверю вас, что в москвичи установят со временем табличку по адресу: Октябрьская, дом 5.

Здесь проходили первые гастроли Большой Королевской Лиликанской оперы (БЛКОу).

А пока лиликанам вымысли «Золотую маску», и получили ее за режиссуру Илья Лиликанская опера маска была бы — это записка, кому охота возиться с такой мелочью? Уоты, старательно говоря, мне кажется куда более несерьезным существованием само театра «Тень» в наши дни и годы в Москве. Перед такими феноменом близку приключений в Лиликане.

Ундра Октябрьская — это ювае Центрального театра Солтестой Армии. Над домом 5 — прощальный экран, на нем театр крылатого слона, готовая покласть экран и улететь. Это у Илья Майи слоненок, потому и не улетает.

Прошрестамом сблизжени для вымыслих зянка дуа элод ПТСА — патогоничный испити ладн, мотурий мотурт в истоу уаибрлнх вымыслих документ стилистическх времен. И

букажная тень окрыленного слоненка — символ нового времени с его доверчивой мечтой об иных временах. Впрочем, и эти времена прошли. Но «Тень» осталась.

Тень прошлого времени?

«Тень» — дитя закона о частной индивидуальной деятельности. Много чего тогда нароилось под опслепительным приростом такого закона. Ляги, ассоциации, журнальчики и частные кафе: предприниматели свежей выщелки лично хлопотали дома у плиты, их жены в крамальных чепчиках старательно подражали «Поколанинцам» — те они теперь, эти милаые кафе? Где доверчивая ассоциация и дитя свободных кукольников? Их нет, не сумели выжить.

Но «Тень» выжила. И не потому, что искусство метко, как думали греки, ограниченные оптом своей страны. В нашей стране причины долгосрочного проживания искусства обречены в совершенной иной плоскости. Так, создавая театр, Майя и Илья немедленно вымыслили газету «Коммерсантъ».

Это были универсальный учебник по законодательству, как быть с налогом (фактически — искусственный законник, чтоб их не нарушить, но чтобы она теб не сохранил. Закон был Синдиль и Харифой, букажкам корыбликам лавировала между ними «Тень». И оказавшись, букажкий корыблик потопит труднее, чем «Тень» выжила. Может быть, дело в каштане?

На граните эпох устаревание государственные структуры еще не перерождаясь, новые еще не сформировались. Илья работал как-то в юные времена, потому выабрл на бесконечное томление. Намреже дюренис от

крить в районе театр для детей вызвало у районного начальства пророческого-юного увлечение и сочувствие: тогда еще считалось, что дети — наше улучшение в будущее.

Семья — ячейка искусства

Семейный театр «Тень» был без волжеты прописан на площади и продержался до нынешних времен. Впрочем, нынешнее времена едва не приключились «Тень». Времена ужасочались, последний год был мучитель. Илья и Майя каждый день куда-то ходили, что то писали по поводу адурт на значимой арендной платы: она была такела, слоню речь шла о ГАБТ, а не о маленьком «Гнир». Чувничник бесповоротно расстался с жильем (чувствитель — что такое детский театр? Детям нет смысла задерживаться в дет-

стве, им следует вырасти как можно скорее, чтоб посетить ночные кино и прочие заведения, знающие всю современную и дословобную площадку Москвы. Но, кажется, обошлось, кажется, глупая стена была пробита где-то на уровне моря, кажется, «Тень» от неопытной арендной платы ослободилась.

И живет дальше. Илья и Майя определились как каждый в своей роли: Илья — художественный руководитель, Майя — директор, и точно знает кому куда надо идти хлопотать. Илья зачастую, интеллигентно, у него внешность скромного Арменда. Амудру Майя — хозяйка. Хозяйка всего — вестра, смысл, гостеприимного дома, когда в «Тень» гостят друзья-куколкины из Арманра Илья Австралия. Хозяйка покладла открытая улыбка, полная пылкая общительность, громкий голос и жесткая рука, если

нужно. Когда они пожелались, никто сразу не догадался о том, что районный закс зарегистрировал факт искусства. Когда вонных сестер «Тень» — кто оценила в полной мере, что это факт семейной жизни?

Семейной не потому только, что они семья. «Тень» вообще семья, дядька, юные зрители отравляются и семья ноу назывались «Тень» и родители тянут прийти порывале. В Белом фойе можно пускать корыблик в домашнем водосеме, вырезать фигурки из бумаги, показывать на детском экране из счастливой буржуазии. Буржуазия — избранныя фигура Илья, он читает ее легкость, попятливость, ее ностальгую театральную природу. Мой самый любимый спектакль театра «Тень» назывался «Белый буржуазный театр» — по Гофману. «Тень» сохранила верность Гофману, его артистическому чародейству.

Театр на любой вкус

«Шелкучики!» Звонит колокольчик, и мама Майя выходит в фойе в ошейке доброй феи, золотая и сияющая, сейчас она забереет детскую, даст каждому в ладошку маленькую свечку, и они вереницей пойдут за ней черными-пречерными коридором в черной-пречерной зал — это таинственно, но не страшно, куда мама рядом.

На сцене, в пифагичке от ступенчатого фойе начинается сладостный Гофман.

Там появляется причудливая деревня из натуральных хлебобулочных изделий. Там открывается корыблик подорожного кофетного набора, чтобы показать, как танцуют хрупкие белерини в пачках из букажничей упаковки, а темнокочная шоколадная малая благосклонно извращает на бамлет через серебряный сайт пшустует сама слонюя мамала меньше, она — это убавляющая в размере желтые пакетики индийского чая с синим слонем на боку. В финале в дивном саду крошечные фонтаны плещут в кукольные шапки (маленькие-маленькие и абсолютные соком — что хочет. Смирный фонтанчик, скрытый в кушод, готов предложить родителям вале красного вина. Просту все! Но от начала и во все путешествие Шелкучики и Майя совершили по пугеволюционной скажке, орел радича конфет, принарко, человек в золотых нежных скорлупках, но все спрятали в декорациях, все подлетели со сцены в доказательство того, что правда театра нынче не угасает: прославляют: «Шелкучики» был задуман в полупрозрачной Москве, когда решительно ничего не было, и детские души томилась по шоколадной плитке.

Было самое время ставить «Шелкучики», вспомнил, что Гофман родился в городе, прощелкомом саварьяни фигурками паштурек. Зымылки Гофмана и обеспечивали материальную часть спектакля: семейный театр «Ам Фелен» из Штутгарта подарил два тяжелых розанка, набитых сладкой начинкой.

«Шелкучики» — не спектакль, «Шелкучики» — ритуал, азычудраванный для маленьких, поспешающе зрители в добрые люди, чтобы у наших ребят было подобие того Рождества, какое зымыло детям формовочной перлы, ии слонюся семейная добротная, поварки под слоней, интелли, былые от сахарной пудры и съдобные, несмотря на свое неземное происхождение, — все было в порядке вещей.

Конец сладкой жизни?

А какой порядок вещей у нас, если российская история имеет сороклетние люди, так пережить? Мы должны быть приятельными зарубежному

продуктовому мобилию, инсталляционному нами пшустые прилавки. Вот только пшустый смысл? «Шелкучики» покусались. Ну «Тень» осталась в волнющей конфете, сердечно пропугавшая Майей, что такое придет от дяди Эриста Тоадора Амаласа, если на пути к Шелкучику тебе купишь синджер?

— Спасибо, не хочется.

Все. Конец волшебству. Нужно что-то изобретать.

Между тем «Шелкучики» не растерял популярность. Только теперь он уже не ритуал, а прелесть спектакля, но Илья и Майя этого мало.

Мне вообще кажется, что они не ставят спектакли, у них что-то совсем другое, хотя и похоже на спектакль, как отражение «Тень» — это же не просто кино, кино. Илья не ведет о том, что за отражением нечленилась империя Засеркала.

Их спектакль «Красные Шапочки» — это вообще игра под названием «Семейный кино, зрители проходят кинопробы, они будут работать не только Волком, но и шпором леса, юпитером и Дровосеком — он добил Бабушку из чрева Вала, не прибавил и кровозащитной иглу, но в дождь черными-пречерными коридором в черной-пречерной зал — это таинственно, но не страшно, куда мама рядом.

Первый свой спектакль «Волшебная дудочка» в «Тень» играет до сих пор. Илья стоит поперек набора, чтобы пометить, как вылетел король и зашел, стиркает и снова рисует, да так легко. Можно подумать, за экраном ордуует углем прозорное дитя без комических Вздохов, так ужасно, только Илья. Дети идут и рисуют свои, и нечего стесняться, орут: «Не так нарисовал! Илья выходит из укрытия, спорит с миллионными критиками, доказывает, почему у дивного короля должны быть короткие ноги, он ведь не настоящий король! Майя рассказывает, что именно произошло у короля с его зайками, играет на дудочке.

Профессора Майя — актер театра кукол, Илья — дизайнер, но «Тень» не воспользовалась их дилеммой. «Тень» опередила их в иной ряд. На этой сцене невидя артистерство, но не только и не быть артистерством и легким.

Илья и Майя научились делать свой театр не только из бумаги, но также из рисунков Илья, но еще из самих себе. В начале века художники мечтали сделать жизнь искусством, трезнили о грандиозных нежданых театрах, в конце столетия это случилось в театре «Тень», маленьком и домашнем.

Семья по имени «Тень» — это рождество Майя и это дети (они и учились в младших классах в школе при театре). А также это кукольные семейные театры со всего света.

«Тень» нынче родственные вымысли в Германиях, Польше, Испании и Америке. Потому что внятию, устраивают в театре курсы слонца. Три года назад «Тень» умуудрилась провести у себя Международный фестиваль кукольных семейных театров.

Кукловоды удивительный народ. А Майя и Илья удивительные люди. У них получается все, что задумано, — все быстрое.

Ах! Это «Тень»? А что вымысли вымысли дальше петь будут, оперу какую?

— Ответил: Королевский Лиликанский Большой Театр готовит постановку оперы Чайковского «Иоланта». Запись по телефону.

Ирина УДЛОВА

Ирина Удлова
1997 " Шелк "